ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

INTELLECTUAL HISTORY

Статья/Original article

УДК 930
DOI 10.18413/2312-3044-2023-10-2-167-185

Рождение «тирана»: Иван Грозный и отечественная «иваниана» – историографические заметки

В.В. Пенской
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Россия
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Т.М. Пенская
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Россия
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Установка в 2016 г. памятника первому русскому царю в Орле вновь актуализировала отечественную «Иваниану». За Иваном Грозным с давних пор утвердилась репутация «образцового тирана» и деспота. Эта точка зрении доминирует и в историческом сообществе, и в общественном сознании. Как связано формирование этой парадигмы с процессами формирования национального самосознания и национальной историографии, с политическим развитием Российского государства и общества в Новое время, какую роль в складывании «черной легенды» об Иване Грозном сыграл «последний летописец» Н.М. Карамзин и были ли иные мнения относительно личности первого русского царя и его вклада в отечественную историю – об этом рассуждают авторы данной статьи.

Ключевые слова: раннее Новое время, Россия, историография, Иван Грозный, Н.М. Карамзин.

Для цитирования: Пенской В.В., Пенская Т.М. 2023. Рождение «тирана»: Иван Грозный и отечественная «иваниана» – историографические заметки. Tractus Aevorum. 10 (2): 167–185. DOI 10.18413/2312-3044-2023-10-2-167-185.

Copyright: © 2023 Пенской В.В., Пенская Т.М. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

The birth of the "tyrant": Ivan the Terrible and the domestic "Ivaniana" – historiographical notes

Vitaly V. Penskoy
Belgorod National Research University
85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Tatyana M. Penskaya
Belgorod National Research University
85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The installation in 2016 of a monument to the first Russian tsar in Orel updated the domestic "Ivaniana" again. Ivan the Terrible has long established a reputation as an "exemplary tyrant" and despot. This point of view dominates both in the historical community and in the public consciousness. How is the formation of this paradigm connected with the processes of formation of national self-consciousness and national historiography, with the political development of the Russian state and society in modern times, what role did the “last chronicler” N.M. Karamzin and whether there were other opinions regarding the personality of the first Russian tsar and his contribution to national history – the authors discuss this of this article.

Keywords: Modern, Russia, historiography, Ivan the Terrible, N.M. Karamzin.

For citation: Penskoy V.V., Penskaya T.M. 2023. Tractus Aevorum. 10 (2): 167–185. DOI 10.18413/2312-3044-2023-10-2-167-185.

Введение

Поводом для написания этой работы послужили несколько примечательных цитат из работ отечественных историков. Первая из них принадлежит видному русскому историку Р.Ю. Випперу. В вышедшей в 1922 г. небольшой работе «Иван Грозный» он писал: «Если бы Иван IV умер в 1566 г., историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от неминуемой гибели и распада созданной им империи. Грозному также простили бы его опричнину и казни, как прощаются Александру злые убийства сподвижников, причуды и бред величия. **Несчастье Ивана IV в том, что ему пришлось пережить слишком ранние свои успехи; слава его, как завоевателя, померкла, дипломатические и организаторские таланты его забылись, он попал в другую историческую рубрику, под титул "тиранов", присоединился к обществу Калигулы, Нерона, Людовика XI и Христиерна II, в проблеме его личности психиатрические мотивы выступили на первое место** (выделено нами – **Авт.**)…»[1].

Другое высказывание принадлежит выдающемуся, вне всякого сомнения, и обладавшему золотым пером блистательному мастеру метких характеристик и наблюдений В.О. Ключевскому. Маститый мэтр с сожалением отмечал, что, хотя российскую историческую науку никак нельзя обвинить в недостатке трудолюбия – ею была проделана большая работа по сбору и анализу источников и созданию, на основе этого анализа, впечатляющего «большого нарратива». Однако при все при том, продолжал далее свою мысль историк, ей присущ был и серьезный недостаток.: «Я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала». Другим ее недостатком Ключевский полагал «слабость ответственности» русских историков, которая состояла в том, что они «не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее, вообще **наклонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений** (выделено нами – **Авт.**)…»[2].

По прошествии ста с лишком лет отмеченные Ключевским недостатки никуда, как оказалось не исчезли. Современный исследователь Е.С. Корчмина в одной из своих статей, касаясь одной из проблем русской истории Нового времени, писала о том, что «обобщения … предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем **сформулированные тогда концепции порой продолжают восприни-**

[1] Виппер 1922, 116.
[2] Ключевский 1989, 5, 6.

маться не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное (выделено нами – **Авт.**). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ…»[3].

Предмет и методология исследования

В качестве предмета исследования выступили, с одной стороны, характерные черты исторического метода Н.М. Карамзина, а с другой стороны – особенности процесса складывания концепции «двух Иванов» и формирования образа Ивана Грозного как «идеального тирана» в отечественной историографии Нового времени.

В процессе подготовки статьи нами был использован прежде всего сравнительно-исторический метод, а также в тесной связке с ним работали методы историко-генетический и историко-системный.

Результаты и их обсуждение

Возвращаясь теперь к первой цитате, отметим, что к «казусу» с Иваном Грозным те проблемы отечественной исторической науки, которые были озвучены В.О. Ключевским и Е.С. Корчминой, приложимы в полной мере. С чем это связано и как так получилось? Вспомним еще одно высказывание, принадлежащее отечественному историку – известному медиевисту А.Я. Гуревичу. В одной из своих работ он писал, что «источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает». При этом, продолжал он, для отечественной исторической науки свойственно своего рода «потребительское» отношение к источнику – обычно «далее внешней критики источников дело не идет; если источник не фальсифицирован и в хорошей сохранности, им можно спокойно пользоваться, **выбирая из него нужные отрывки** (выделено нами – **Авт.**)…». При этом, отмечал он дальше, «вопросы же об общем историческом контексте, в котором источник появился, о выражении в данном памятнике присущего автору и его времени менталитета обычно перед исследователями не возникают»[4].

К чему приводит такое отношение к источнику – догадаться нетрудно. Историк подступает к источнику (в особенности если это нарративный источник), имея в своем распоряжении некий набор определенных «клише» и «догм», исходя из которых он и приступает к препарированию источнику, получая в итоге вполне ожидаемый ответ, который по факту запрограммирован еще со школьной скамьи. А если еще добавить к этому всему и влияние пресловутого «аргумента собаки», который был сформулирован византинистом И. Шевченко (в пересказе С. Франклина и Д. Шепарда он звучит следующим образом: собака

[3] Корчмина 2013, 77–91.
[4] Гуревич 2005, 434, 436.

входит в девственный лес, приближается к дереву и делает то, что делают собаки у дерева. Дерево выбрано наугад. Оно ничем ни отличается от любого другого. Однако можно не без оснований предсказать, что следующие собаки, заходя в это лес, обратят внимание на то же самое дерево. Так часто происходит и в науке: «запах» аргумента по поводу какой-то проблемы побуждает ученых вступать в новые и новые дискуссии, касающиеся этой проблемы»[5]), то получается своего рода заколдованный круг, выйти из которого не представляется возможным.

Эта невозможность связана, на наш ряд, как с объективными, так и с субъективными обстоятельствами. К первым мы относим источниковедческие проблемы. Не секрет, что русские архивы за XVI в. сохранились крайне плохо. Тому виной и общее отставание в вопросах развития бюрократических практик в раннемодерной России, о чем писал, к примеру, М.М. Кром[6] (отметим, что связано это отставание было не в последнюю очередь с традиционализмом русского общества как аграрного общества тоффлеровской «Первой волны», которое долгое время не нуждалось в развитии этих практик, так как обычай и «старина» вполне удовлетворительно позволяли решать возникающие в повседневной жизни вопросы[7]), и с обстоятельствами субъективными – колоссальный урон тем же приказным архивам нанесли пожары 1571, 1611-1612 и 1626 гг., так что в нашем распоряжении остались буквально крохи подлинных документов эпохи Ивана Грозного. Наконец, в то время, когда рождалась «черная легенда» об Иване Грозном, документальные материалы о его царствовании еще только-только начинали вводиться в научный оборот (основной их массив был опубликован существенно позже), да и сама методика работы с ними была еще не отработана в полной мере. Так что русским историкам эпохи становления отечественной «Иванианы» приходилось волей-неволей полагаться на исторический нарратив.

Между тем нельзя не согласиться с высказанным Р.Ю. Виппером мнением – «Грозному не посчастливилось на литературных защитников»[8], не нашлось у него своего Аристобула, Птолемея Лага и Арриана с Курцием Руфом, а вот критиков, больше того, критиков пристрастных и предвзятых, у Ивана нашлось с избытком. И снова процитируем Р.Ю. Виппера, который, характеризуя современников-критиков Ивана, писал: «Все они разделяют один недостаток, наличность которого сыграла роковую роль для памяти Грозного. Они совершенно равнодушны к росту московской державы, ее великим завоевательным задачам, к широким замыслам Ивана IV, его военным изобретениям, его гениальной дипломатии. В этом смысле они удивительно подошли ко вкусам нашей недавней исторической школы, вы-

[5] Франклин, Шепард. 2009, 12–13.
[6] См., например: Кром 2010, 364–365.
[7] См., например: Груша 2019, 37–76 слл.: Franklin 2004, 277, 279;. Ср.: Clanchy 1993, 41.
[8] Виппер 1922, 109.

росшей на идеях пасифизма. если угодно, **эти судьи Грозного похожи на Тацита, Светония, Ювенала, которые, в резких нападках на римское самодержавие, сосредоточивали свое внимание на явлениях придворных и столичных, оставаясь безразличными к громадной стране, к окраинам, к внешней безопасности и славе знаменитой империи. У них только одна тема, бесконечно развиваемая на все лады: осуждение бесчеловечной жестокости московского царя** (выделено нами – **Авт.**)…»[9].

Причина, по которой князь Андрей Курбский (о нем речь еще пойдет дальше), Тимофей Тетерин и ряд других авторов, живших в эпоху Ивана Грозного или несколько позднее, негативно восприняли деяния первого русского царя, в общем-то понятна. Иван, хотя и стремился к тому, чтобы позиционировать себя как сторонника, больше того, восстановителя и «реновации» «старины» (о чем он, к примеру, прямо и недвусмысленно заявлял в своем выступлении на Стоглавом соборе[10]), на практике своими действиями в политической, административной, юридической и иных сферах эту «старину», сам того не желая, подрывал и разрушал – во всяком случае, создавал условия для ее разрушения в будущем. Это смутное ощущение того, что «старина» уходит в прошлое, а вместе с нею уходят в прошлое и прежние привилегии, которыми в свое удовольствие пользовались тот же Курбский и иные представители оппозиционной аристократической (и неважно, была ли эта элита светской – бояре и княжата, или же церковной – «князья церкви»), конвертируя их в реальную власть влияние и богатство. И своего рода аристократический «реванш», о котором писал А.П. Павлов применительно к постгрозненской эпохе[11], был вызван как раз стремлением этой старой элиты, которая хоть и внутренне серьезно переменилась за время правления Ивана IV, тем не менее, оставалась все той же в своей основе, сохранить свой привилегированный и доминирующий статус и допустить в свой узкий круг, «жадною толпою стоящих у трона», чужаков со стороны.

И снова обратимся к Виппер: «Собственно говоря, жалобы консерваторов на изменение старины руками самих носителей власти вовсе не представляют чего-либо нового. За четыре десятилетия до Курбского их высказывал опальный боярин Берсень, возмущаясь тем, что Василий III стал решать дела в спальне, запершись сам-третей с какими-нибудь любимцами. Берсень, прибавлял мрачное предсказание в том самом духе, как потом Курбский: "Государство, которое переменяет исконные обычаи, недолговечно"…». Больше того, продолжал он дальше характеристику «политической программы» московских «консерваторов», «мало того, что обвинение самодержавия в крайностях, в нарушении меры повторяется из поколения в поколение, критики от-

[9] Виппер 1922, 109.
[10] См.: Стоглав. Текст. Словоуказатель 2015, 53. 54.
[11] См.: Павлов 1992, 250–253.

носят всякий раз начало политических бедствий очень далеко от своего времени… Однако, как ни существенно расходятся они в хронологии, а все-таки разумеют одно и то же явление, и мы с некоторым удивлением замечаем, что дело идет об основном факте московской политики, который шаг за шагом сопровождает образование великорусской державы. Получается странное противоречие: великие организаторы Москвы, Иван III и Иван IV оказываются в то же время виновниками гибели империи»[12]. Впрочем, противоречие — это кажущееся, поскольку, «консерваторы» оплакивали ту «старину», в которой государь был «первым среди равных», а они выступали по отношению к нему, согласно «формуле», озвученной в «Слове о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго»: «Старцы – яко отцы, средовечь – яко братья, младии – яко чада … Вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей…»[13].

И само собой, характеризуя исторический нарратив той эпохи, не будем забывать о том, что с середины XVI в. изменяется серьезно, и не в лучшую сторону, тональность западноевропейской Россики. С конца XV – начала XVI в. тональность отзывов о таинственной Московии менялась незначительно и в целом ее нельзя было назвать негативной, то после выхода в свет знаменитых «Записок о Московии» С. Герберштейна в разгар переговоров между Москвой и Веной в 1549 г. происходит перелом, последствия которого ощущаются по сей день – Московия рассматривается как своего рода восточноевропейская «Турция», а московский государь (в особенности после начала Ливонской войны 1558–1561 гг.) – как Erbfeind gantzer Christenheit (подобно турецкому султану). На этот пласт негатива накладывается «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, «собинного» (если верить его словам) друга Ивана IV и потому как бы источника достоверного (впрочем, так ил уж достоверного? Вспомним характеристику, которую дал ему великий С.М. Соловьев: «Драгоценнейший источник для истории царствования Иоанна IV, вскрывающий нам главные пружины действий, и в то же время **самый мутный источник относительно подробностей** (выделено нами – **Авт.**)…»[14]), и на выходе мы получаем готовую «черную легенду» и о самом Иване, и его царствовании, и о самой Московии и московитах.

Справедливости ради заметим, что в историческом нарративе об Иване Грозном все не так плохо, как может показаться на первый взгляд, и наряду с «черной легендой» в раннее Новое время складывается и иная легенда – если и не «белая», то, во всяком случае и не «черная», более комплиментарная к личности первого русского царя и его деяниям. Так, уже после Смуты князь Иван Катырев-Ростовский, вре-

[12] Виппер 1922, 110–111.
[13] Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго 1999, 214.
[14] Соловьев 1856, 417.

мена Ивана не заставший, но имевший возможность общаться с теми, кто жил и действовал в те времена (служебная карьера князя Ивана началась в 1598 г.), характеризуя Ивана IV, писал о том, что грозный царь «на рабы, от Бога даныя ему, жестосерд велми, на пролитие крови и на убиение дерзостен велми и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады свои поплени, и многия святителския чины заточи и смерти немилостивою погуби, и иная многая содеях над рабы своими, жен и дщерей блудом оскверни». Однако, упомянув о негативных сторонах характера Ивана и его деяний, он тут же отмечал, что Иван был «муж чюднаго разсужения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель», «многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше»[15]. Спустя полвека после Ивана Катырева дьяк Федор Грибоедов в своей истории Российского государства так характеризовал Ивана IV: «Он же убо великий государь, имый разум благообычен и зело благоумен, еще ж и во бранех на супротивных искусен и велик в мужестве и ратник непобедим, храбросерд же и хитрь конник и варварские страны, аки молния, борзо обтече и вся окрестные устраши и прегордыя фряги покори. Бысть же и в словесней премудрости ритор естествословен и смышлением быстроумен, доброзначен же и благ, дерз в воинстве; еще же и житие благочестиво имея и ревностию по Бозе присно препоясуяси и благонадежныя победы мужеством окрестны многонародныя царства прият Казань и Астарохань и Сибирскую землю. И тако Руския земли держава пространством разливашеся и народи ея веселием ликоваху и победныя хвалы Богу возсылаху….»[16].

Не менее интересен образ Ивана Грозного, который сложился в народных песнях – этом народном же «учебнике истории». В 1860 г. П.В. Киреевский писал, что «в песнях о Иоанне Грозном народ сохранил воспоминание только о светлой стороне го характера. Он поет о славном завоевании Казани и Астрахани; о православном царе, которому преклоняются все орды Татарские; об его любви к Русскому народу и его радости, когда Русской удалец, на его свадебном пиру, поборол его гордого шурина, Черкасского князя; но не помнит ни об его опричниках, ни об других его темных делах»[17].

Таким образом, к моменту, когда стала формироваться отечественная историческая наука, в распоряжении отечественных же историков был выбор – они могли выбирать между «черной» и «белой» (условно) вариантами «легенды» о Иване Грозном. Но как же получилось так, что, как заметил Р.Ю. Виппер, возобладала «легенда ««черная» и Иван Грозный окончательно перешел в разряд практически идеальных, образцовых «тиранов»? И здесь на авансцену выступает «Коломб рос-

[15] Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского 1892, 707–708.
[16] Грибоедов 1896, 24–25.
[17] Киреевский 1860, V–VI.

сийских древностей» и «последний летописец» Н.М. Карамзин, автор знаменитой «Истории государства Российского».

Нельзя сказать, что до того момента, когда Карамзин «учредил» русскую историю и «открыл» ее для широкой читающей публики, никто не занимался и не интересовался ею. Достаточно указать на В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова и князя М.М. Щербатова. Даже сама императрица Екатерина II была не чужда интересу к российской истории. Но все они писали в то время, когда просвещенное русское общество не проявляло особого интереса к истории. Все изменилось на рубеже веков XVIII и XIX. Н.Я. Эйдельман писал, характеризуя этот переворот в коллективном сознании русской элиты, связанный и обусловленный теми событиями, которые последовали за Великой Французской революцией 1789 г.: «Итак, в 1800-х годах ощутима … та общественная национальная потребность, которая, конечно, не в один день развилась: потребность исторически осмыслить самих себя, свое место в родной и мировой истории, свое будущее, которое существует уже сегодня и требует, чтобы его разглядели»[18].

Карамзин к тому времени уже формировал для себя видение будущей российской истории в своем исполнении. Еще в 1792 г. он писал, что «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон – вот образцы! Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; **нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить**; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Руских, но и чужестранцов. Родословная Князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чем наполнять ими целые томы? **Что не важно, то сократить**, как сделал Юм в Английской Истории; но все **черты, которыя означают свойство народа Руского, характер древних наших Героев, отменных людей, происшествия действительно любопытныя описать живо, разительно**. У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Лудовик XI: Царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет **важнейшия эпохи в нашей Истории**, и даже в Истории человечества; его-то **надобно представить в живописи**, а **прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело** (выделено нами – **Авт.**)…»[19]. И, развивая свой исторический метод, спустя 10 лет, в 1802 г., он писал, что «не всякий может философствовать или ставить себя на месте героев истории; но всякий любит, любил или хо-

[18] Эйдельман 2004, 52.
[19] Карамзин 1984, 252–253.

тел любить, и находит в романическом герое самого себя». Раз так, делал вывод Карамзин, раз читатель желает получить роман и «романического/романических героев», которые пленяют его сердце и воображение, «представляя картину света и подобных нам людей в любопытных положениях, изображая сильнейшую и притом самую обыкновенную страсть в ее разнообразных действиях»[20], то нужно дать ему то, что он хочет, облечь русскую историю в «романическую» форму и преподнести ее читателю. И когда император Александр I своим указом от 31 октября 1803 г. назначил Карамзина официальным историографом и положил ему жалование 2 тыс. руб. в год, Карамзин был уже готов приступить к исполнению своего замысла.

Что было дальше – хорошо известно, Появление первых томов его «Истории» вызвало подлинный фурор в обществе и его сочинение моментально стало тем, что сегодня именуют иностранным словом «бестселлер». Однако наряду с восторженными отзывами почти сразу же стали звучать и голоса критиков Карамзина. Отечественный исследователь В.П. Козлов писал по этому поводу, что «критики Карамзина … анализируя примечания, … обратили внимание на «текстологические лукавства» историографа – принципы воспроизведения им текстов источников, в соответствии с которыми он наряду с точным, «от слова до слова», приведением текстов нередко, стремясь приноровить их к своей концепции, прибегал (Карамзин – **Авт.**) к текстологическим умолчаниям (пропускам текстов), дополнениям, подчас ограничивался глухими отсылками на источники, свидетельства которых противоречили его изложению, либо сознательно вообще не упоминал о них…»[21].

Звучит такой вывод парадоксально – ведь за Карамзиным закрепилась слава объективного и, насколько это возможно, беспристрастного историка. Недаром С.Б. Веселовский писал в свое время, что «по своей авторской добросовестности и по неизменной воздержанности в предположениях и домыслах он (Карамзин – **Авт.**) до сих пор остается образцом, не досягаемым для многих последующих историков, у которых пренебрежение к фактам, нежелание их искать в источниках и обрабатывать соединяются с самомнением и с постоянными претензиями на широкие и преждевременные обобщении, не основанные на фактах…»[22]. Однако все не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. В.О. Ключевский, характеризуя «Историю» Карамзина, отмечал, что «цель труда Карамзина моральноэстетическая: **сделать из русской истории изящное назидание** (выделено нами – **Авт.**)..». Эта «**назидательная тенденция побуждает рисовать явления с поучительной стороны, а как источники не дают для того материала, то восполнять их психологической выразительностью** (выделено нами – **Авт.**)…», – продолжал он далее, а

[20] Карамзин 1982, 98–101, 99.
[21] Козлов 1989, 172.
[22] Веселовский 1963, 15.

поскольку Карамзин даже не пытался понять своих персонажей, то, рисуя их психологический портрет, по словам Ключевского, он занимался модернизацией истории, приписывая героям своего повествования свои мысли и чувства[23].

Говоря о презентизме Карамзина, нельзя не вспомнить еще одно высказывание Р.Ю. Виппера – вот оно: «Историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся увлечений и философских настроений. Ведь и наше неотступное желание найти связь между событиями внешней истории и усложнением внутренней жизни – результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он как будто читает и видит то, что хочет прочитать и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением интересов…»[24]. Что же до вкусов и интересов, то Ключевский по этому поводу отмечал, что Карамзин был и «остался сентиментальным моралистом XVIII в. и приверженцем просвещения, как лучшего пути к доброй нравственности, которая основание государственного развития и благоустройства», сохранив при этом примечательные черты духа, «развитые его литературной деятельностью, впечатлительность без анализа впечатлений, изобразительность без чутья движения, процесса (выделено нами – **Авт.**),…»[25]. Карамзина, продолжал дальше историк, «занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни; он следил в прошедшем не за накоплением средств материального и духовного существования человечества и не за работой сил, вырабатывающих эти средства, а за проявлениями нравственной силы и красоты в индивидуальных образах или массовых движениях…». В результате «лишенные исторической обстановки, **действующие лица у Карамзина окружены особой нравственной атмосферой: это – отвлеченные понятия долга, чести, добра, зла, страсти, порока, добродетели. Речи и поступки действующих лиц у Карамзина внушаются этими понятиями и ими же измеряются** (выделено нами – **Авт.**)…»[26].

И вот с этим набором вкусов, пристрастий и методов Карамзин в начале 1812 г. подступил к описанию времен Ивана Грозного, руководствуясь при этом принципом, который он изложил еще два десятка лет назад: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку… Всякия же насильственныя потрясения гибельны»[27]. И по мере погружения в ма-

[23] Ключевский 1983, 135–136.
[24] Виппер 1922, 108–109.
[25] Ключевский 1983, 134–135.
[26] Там же, 134.
[27] Карамзин 1984, 226-227.

териал его отношение к Ивану постепенно менялось. В апреле 1812 г. в одном из писем он писал: «Отдыхаю за Историей и спешу кончить Василия Темного. Тут начинается действительная история Российской монархии. Впереди много прекрасного». Спустя два года, летом 1814 г., он сообщает: «Мысленно уже смотрю на Грозного: какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам Историю без сего любопытного царствования. Тогда она будет как павлин без хвоста». Еще год – и вот прозвучал первый звонок: «Управляюсь малопомалу с царем Иваном. Казань уже взята, Астрахань наша, Густав Ваза побит, а орден меченосцев издыхает, но еще остается много дела и тяжелого: надобно говорить о злодействах почти неслыханных. Калигула и Нерон были младенцы в сравнении с Иваном»[28].

Ключевые слова произнесены, Иван попал в «разряд тиранов», опередив Нерона и Калигулу, формирование «черной легенды» вступило в завершающую стадию. Но что произошло между началом 1812 г. и летом 1815 г., почему отношение Карамзина к Ивану изменилось? Ведь нельзя сказать, что о тех «злодеяниях» Ивана в начале XIX в. было совсем уж и неизвестно. О них писал тот же. М.М. Щербатов, и Екатерина II в своих экспромтах по русской истории не осталась в стороне. А Ломоносов и вовсе изложил вкратце концепцию «двух Иванов» задолго до того, как о ней начал писать «последний летописец»[29]. Однако до Карамзина никто столь резко не высказывался в адрес Ивана Грозного. Складывается впечатление, что в руки Карамзина попал некий текст, который сыграл решающую роль в этом повороте. В самом деле, если вести речь о русских летописях до 1567 г. (когда их составление резко обрывается), то их материалы не могли дать в руки Карамзина нужных сведений для составления «романической» и вместе с тем назидательной истории в духе классической трагедии. Как отмечал отечественный исследователь А.И. Филюшкин, «до этого (времени Ивана IV – **Авт.**) почти по всем сюжетам русской истории существовал летописный нарратив, который уже организовал материал в некую схему. За ней можно было следовать или нет, ее можно было критиковать и переделывать, но она была: **готовая схема со своим сюжетом, героями и антигероями, действующими лицами** (выделено нами – **Авт.**). Такой материал лежал в основе изысканий Карамзина вплоть до эпохи Василия III включительно»[30], а вот что касается позднейшего времени – такой готовой схемы не было, летописное повествование лишено ярко выраженной эмоциональной и психологической окраски и внутреннего драматизма.

К «счастью» для Карамзина и для последующей русской историографии текст, в котором необходимая схема наличествовала, нашелся. Им стала «История» князя Курбского, написанная не столько чернила-

[28] Карамзин 1982, 258, 259.
[29] См.: Ломоносов 1760, 33-34.
[30] Филюшкин 2016, 124.

ми, сколько черной желчью. И снова процитируем Р.Ю. Виппера: «Надо признать, что в свою очередь, и памятник оказывает свое давление на ученого, вдохновляет и направляет мысль историка. В историческом документе есть скрытая энергия, обаянию которой мы все невольно поддаемся…»[31]. «История» князя Курбского, написанная, безусловно, с чувством, талантливо и ярко, не могла не произвести впечатления на Карамзина – и было от чего. Так, к примеру, С.М. Соловьев, достаточно критично относившийся к писанию князя-эмигранта («Сочинения Курбского, как имеющие целью оправдать во всем одних и обвинить во всем других, тем самым чужды беспристрастия и не могут служить источником при определении характеров действующих лиц…»), тем не менее отмечал, что «сочинения Курбского драгоценны тем, что автор их в пылу страсти обнаруживает нам тайные мысли и чувства не только свои, но и целой партии, интересы которой он защищал, и чрез это указывает историку на такие отношения, которые бы без него остались навсегда тайною»[32]. У Курбского Карамзин нашел то, чего ему так не хватало в летописных текстах – интриг, яркие образы и сюжет. И неважно, что сочинение Курбского было пропитано субъективизмом чуть более чем полностью – критик Карамзина, Н.С. Арцыбашев, писал, что Курбский интересен и ценен теми своими свидетельствами, в которых он выступает как «самовидец», что же до остальных, то князь, «повествуя о свойствах и частных действиях людей, не был чуждым ни приязни, ни ненависти, ни собственных видов, сообщавших перу его более плодовитости, нежели истина произвести могла, и что большая часть особенных происшествий, им упомянутых, основывается на сомнительных речах людей неизвестных…». Поэтому, продолжал далее Арцыбашев, стоит «большую часть нравоизображений и особенных событий, описанных князем Курбским, не принимать за совершенную истину и даже с осторожностию верить самой сущности оных, а всего менее подробностям», поскольку «несмотря на его (Курбского – **Авт.**) просвещение, разборчивость заглушена была, кажется, в нем предубеждениями и действием оборотов жизненных»[33].

Карамзин, судя по всему, чувствовал уязвимость сочинения Курбского как источника, но успокаивал себя тем, что, хотя «изгнанник Курбский имел, конечно, злобу на царя; но мог ли явно лгать пред современниками в случаях, известных всякому из них? Он писал для россиян, которые читали сию книгу с жадностью, списывали, хранили в библиотеках, не только в частных, но и в казенных: такой чести не оказывают лжецу…»[34]. Увы, в этом знаток древней русской книжности фатально ошибся – А.И. Филюшкин, характеризуя литературную историю сочинения Курбского в России, отмечал, что «все списки сочине-

[31] Виппер 1922, 108.
[32] Соловьев 1856, 417.
[33] Арцыбашев 1821, 291-292, 293.
[34] Карамзин 1843. Примечания к IX тому, 6.

ния Курбского относятся к XVII–XVIII векам – то есть русские современники Ивана Грозного не читали Курбского. Князь писал для Речи Посполитой, а в Россию его тексты проникли после Смуты, когда его «ложь» обличать было уже некому»[35]. Однако это было не так уж и важно – литературные достоинства текста и его кажущаяся внешняя убедительность (ведь «История» написана «самовидцем») и, самое главное, точное попадание в замысел Карамзина перевешивали все недостатки сочинения Курбского, а иначе разве стали бы возможными следующие строки: «Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы в Государе и государстве»! Не изменились россияне, но царь изменил им» или: ««Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверх бедствий удельной системы, сверх ига монголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла с любовию к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву и землетрясение и тиранов; не преломили железного скиптра в руках Иоанновых, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы, в лучшие времена, иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (История не любит именовать живых)…»[36]?

Заключение

Возможно, если бы IX том «Истории» Карамзина вышел бы в другое время – не в 1821 г., а пятью годами раньше или пятью годами позже, то он не произвел бы эффекта взорвавшейся бомбы и фраза «не изменились россияне, но царь изменил им» воспринималась бы иначе. Но 1821 г. – год разочарования и крушения либеральных иллюзий. Император Александр I отказывается от курса на серьезные преобразования и сворачивает деятельность по подготовке конституционной и крестьянской реформ. При императорском дворе обретает колоссальное влияние граф «Сила Андреевич» Аракчеев, мрачная и зловещая (по мнению лощеной салонной публики) фигура которого едва ли не затмевает самого императора. Предложенная Курбским и доработанная Карамзины концепция «двух Иванов» оказалась как нельзя более к месту. Тональность IX тома «Истории Российской» и настроения, господствовавшие в просвещенной части русского общества, совпали. «Только тот монарх воистину царствует, который правит для народного счастья», – но можно ли было это сказать про Александра I в последние годы его царствования? Пробужденный французскими просветителями и революцией либеральный «дискурс» в России после победы над Наполеоном

[35] Филюшкин 2016, 125.
[36] Карамзин 1843, 186, 258.

только набирали силу, и поворот Александра был встречен крайне негативно в либеральных кругах российского общества.

Последствия этого мы знаем – от разговоров в салонах дело дошло до попытки организации вооруженного переворота в столице. И хотя вступление декабристов было подавлено, новый император, и без того не слишком популярный, столкнулся с серьезной проблемой недоверия к нему и его действиям со стороны просвещенной публики, которая чем дальше, тем больше считала, что Николай I правит явно не для народного счастья. И вот ведь что любопытно – Р.Ю. Виппер отмечал, что «усиленное внимание к жестокостям Грозного, суровый, уничтожающий нравственный приговор над его личностью, наклонность судить о нем, как о человеке психически ненормальном, все это принадлежит веку сентиментального просветительства и великосветского придворного либерализма. Поэтому едва ли у кого найдешь более беспощадную оценку Грозного, чем это сделал **Карамзин, самый яркий в России историк и публицист эпохи просвещенного абсолютизма, который пишет отрицательную характеристику Ивана IV как бы для того, что бы оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его "великой бабки", монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу** (выделено нами – **Авт.**)…»[37]. Монархист до мозга костей, Карамзин своей оценкой деятельности Ивана Грозного нанес идее монархии в России колоссальный урон – нельзя не согласиться со следующими словами Виппера: «Русские историки последующего времени, хотя и чуждые идеализации просвещенной монархии, удержали, однако неблагоприятную оценку Грозного. Отчасти это случилось потому, что **осуждение тирана служило одним из благодатных мотивов оппозиционно-либеральной риторики** (выделено нами – **Авт.**)…»[38].

Политизация русской «Иванианы», начало которой положил Карамзин, чем дальше, тем в большей степени набирала обороты, интерес к поиску истины постепенно отходил на второй план, и в работах историков на первый план выходила проработка, все более глубокая и основательная, отдельных аспектов заложенной Карамзиным концепции «двух Иванов». Последняя воспринималась не как первое приближение к истине, но как некая аксиома, то что все знают и в чем сомневаться не принято. Эта традиция благополучно перекочевала и в советскую историографию, благо противостояние между либеральной интеллигенцией и властью не только не отошло в прошлое, а, напротив, обрело новое измерение, особенно в последние десятилетия существования СССР. Лишь после его распада и общей либерализации политического режима в постсоветской России тезис о том, что история эпохи Ивана Грозного есть явление далеко не столь однозначное и

[37] Виппер 1922, 108.
[38] Там же.

одномерное, стала постепенно пробивать себе дорогу наверх, хотя профессиональное историческое сообщество этими новыми веяниями пока затронуто лишь в малой степени. Сила традиции пока еще остается значимой величиной чтобы блокировать попытки подвергнуть ревизии классическую схему «двух Иванов». Главной проблемой на этом пути остается сохраняющаяся политизация вопроса (и здесь можно провести аналогии с пресловутой теорией «норманизма / антинорманизма»).

Библиография

Арцыбашев, Н.С. 1821. О степени доверия к «Истории», сочиненной князем Курбским. *Вестник Европы*. Вып. CXVIII. 12: 278–317.

Веселовский, С.Б. 1963. *Исследования по истории опричнины*. М.: Изд-во АН СССР.

Виппер, Р.Ю. 1922. *Иван Грозный*. Рига, Дельфин.

Груша, А.И. 2019. *Кризис доверия? Появление и утверждение правого документа в Великом Княжестве Литовском (конце XIV – первая треть XVI в.)*. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив,

Грибоедов, Ф.А. 1896. История о царях и великих князьях земли Русской. В кн.: *Памятники древней письменности*. Вып. CXXI. СПб.: Синодальная типография.

Гуревич, А.Я. 2005. О кризисе современной исторической науки. В кн. Гуревич, А.Я. *История – нескончаемый спор*. М.: Российский государственный гуманитарный университет: 427–455.

Карамзин, Н.М. 1843. *История государства Российского*. Кн. III. Т. IX. СПб.: Изд-во И. Эйнерлинга.

Карамзин, Н.М. 1982. О книжной торговле и любви к чтению в России. В кн.: Карамзин, Н.М. *Избранные статьи и письма*. М.: Современник

Карамзин, Н.М. 1984. *Письма русского путешественника*. Л.: Наука.

Киреевский, П.В. 1860. *Песни, собранные П.В. Киреевским*. Вып.1. М.: Тип.-я А. Семена.

Ключевский, В.О. 1989. Методология русской истории. В кн. Ключевский, В.О. *Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы*. М.: Мысль.

Ключевский, В.О. 1983. *Неопубликованные произведения*. М.: Наука.

Козлов, В.П. 1989. *«История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников*. М.: Наука.

Корчмина, Е.С. 2013. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах. *Российская история* 5: 77–91.

Кром, М.М. 2010. *«Вдовствующее царство»: Политический кризис 30 – 40-х годов XVI века.* М.: Новое литературное обозрение.

Ломоносов, М.В. 1760. *Краткий российский летописец с родословием*. СПб.: Тип.-я Имп. Акад. Наук.

Павлов, А.П. 1992. *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. (1584–1605 гг.)*. СПб.: Наука.

Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. В кн.: *Русская историческая библиотека. Т. XIII. Памятники древней русской письмен-*

ности, относящиеся к Смутному времени. СПб.: Тип.-я И.Н. Скороходова, 1892.

Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго. 1999. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV века.* СПб.: Наука, 1999.

Соловьев, С.М. 1856. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского». В: *Отечественные записки*. Т. CV. Апрель.

Стоглав. Текст. Словоуказатель. 2015. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Филюшкин, А.И. 2016.Сотворение Грозного царя: зачем Н.М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? В: *Тетради по консерватизму* 4: 123–130

Франклин, С., Шепард Д. 2009. *Начало Руси*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Эйдельман, Н.Я. 2004. *Последний летописец*. М.: Вагриус.

Clanchy, T.M. 1993. *From Memory to Written Record. England 1066-1307*. Oxford: Blackwell Publishers.

Franklin, S. 2004.*Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Arcybashev, N.S. 1821.*O stepeni doveriya k «Istorii», sochinennoj knyazem Kurbskim [On the degree of trust in the "History" composed by Prince Kurbsky]*. V: *Vestnik Evropy`[ Bulletin of Europe]*. Vy`p. CXVIII 12: 278-317. (In Russian).

Veselovskij, S.B. 1963. *Issledovaniya po istorii oprichniny` [Studies on the history of the oprichnina. Studies on the history of the oprichnina. Studies on the history of the oprichnina]*. Moscow: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).

Vipper, R.Yu. 1922. *Ivan Grozny`j [Ivan the Terrible]*, Riga, Del`fin. (In Russian).

Grusha, A.I. 2019. *Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie pravogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konce XIV – pervaya tret` XVI v.) [Crisis of confidence? Appearance and approval of a legal document in the Grand Duchy of Lithuania (end of the 14th - first third of the 16th century)]*. Moscow-Saint Petersburg: Centr gumanitarny`x iniciativ, (In Russian).

Griboedov, F.A. 1896. *Istoriya o czaryax i velikix knyaz`yax zemli Russkoj [The story of the tsars and grand dukes of the Russian land]*. V kn.: *Pamyatniki drevnej pis`mennosti [Monuments of ancient writing]*. Vy`p. CXXI. Saint Petersburg: Sinodal`naya tipografiya. (In Russian).

Gurevich, A.Ya. 2005.*O krizise sovremennoj istoricheskoj nauki [About the crisis of modern historical science]. V kn. Gurevich, A.Ya. Istoriya – neskonchaemy`j spor [History is an endless debate]*. M.: Rossijskij gosudarstvenny`j gumanitarny`j universitet: 427- 455. (In Russian).

Karamzin, N.M. 1843. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo History of the Russian state []*. Kn. III. T. IX. SPb.: Izd-vo I. E`jnerlinga. (In Russian).

Karamzin, N.M. 1982. *O knizhnoj torgovle i lyubvi k chteniyu v Rossi [About the book trade and the love of reading in Russia]*. V kn.: Karamzin, N.M. *Izbranny`e stat`i i pis`ma [Selected articles and letters]*. Moscow: Sovremennik, (In Russian).

Karamzin, N.M. 1984. *Pis`ma russkogo puteshestvennika [Letters from a Russian traveler]*. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Kireevskij, P.V. 1860. *Pesni, sobranny`e P.V. Kireevskim [Songs collected by P.V. Kireevsky]*. Vy`p.1. Moscow: Tip.-ya A. Semena. (In Russian).

Klyuchevskij, V.O. 1989. *Metodologiya russkoj istorii [Methodology of Russian history]*. V kn. Klyuchevskij, V.O. *Sochineniya v devyati tomax. T. VI. Special`ny`e kursy` [Works in nine volumes. T. VI. Special courses]*. Moscow: My`sl`. (In Russian).

Klyuchevskij, V.O. 1983. *Neopublikovanny`e proizvedeniya [Unpublished works]*. Moscow: Nauka.

Kozlov, V.P. 1989. *«Istoriya gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina v ocenkax sovremennikov ["History of the Russian State" N.M. Karamzin in the assessments of contemporaries]*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Korchmina, E.S. 2013. *«Mnogie milliony` gosudarstvennoj kazny` v neizvestnosti naxodyatsya»: nedoimki po podushnoj podati v 1720–1760-x godax ["Many millions of the state treasury lie in obscurity": poll tax arrears in the 1720s-1760s]. Rossijskaya istoriya* 5: 77-91. (In Russian).

Krom, M.M. 2010. *«Vdovstvuyushhee czarstvo»: Politicheskij krizis 30 – 40-x godov XVI veka ["The Dowager Kingdom": The Political Crisis of the 30s - 40s of the 16th century]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Lomonosov, M.V. 1760. *Kratkij rossijskij letopisecz s rodosloviem [Brief Russian chronicler with genealogy]*. Saint Petersburg: Tip.-ya Imp. Akad. Nauk. (In Russian).

Pavlov, A.P. 1992. *Gosudarev dvor i politicheskaya bor`ba pri Borise Godunove. (1584-1605 gg.) [Sovereign court and political struggle under Boris Godunov. (1584-1605)]*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Povest` knyazya Ivana Mixajlovicha Katy`reva-Rostovskogo [The story of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky]. 1892, V kn.: *Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. XIII. Pamyatniki drevnej russkoj pis`mennosti, otnosyashhiesya k Smutnomu vremeni [Russian Historical Library. T. XIII. Monuments of ancient Russian writing related to the Time of Troubles]*. Saint Petersburg: Tip.-ya I.N. Skoroxodova. (In Russian).

Slovo o zhit`i i o prestavlenii velikago knyazya Dmitria Ivanovicha, czarya Ruskago [A word about the life and death of the Grand Duke Dmitry Ivanovich, Tsar Ruskago]*. 1999. V kn.: *Biblioteka literatury` Drevnej Rusi. T. 6. XIV – seredina XV veka [Library of Literature of Ancient Rus'. T. 6. XIV - the middle of the XV century]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Solov`ev, S.M. 1856. *N.M. Karamzin i ego literaturnaya deyatel`nost`: «Istoriya gosudarstva Rossijskogo» [N.M. Karamzin and his literary activity: "History of the Russian state"]*. V: *Otechestvenny`e zapiski*. T. CV. Aprel`. (In Russian).

*Stoglav. Tekst. Slovoukazatel` [Stoglav. Text. Index]*. 2015. M.-SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ. (In Russian).

Filyushkin, A.I. 2016. *Sotvorenie Groznogo czarya: zachem N.M. Karamzinu by`l nuzhen «tiran vseya Rusi»? [Creation of the Terrible Tsar: why N.M. Karamzin needed a "tyrant of all Rus'"]* V: *Tetradi po konservatizmu* 4: 123-130. (In Russian).

Franklin, S., Shepard D. 2009. *Nachalo Rusi [The Emergence of Rus]*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian).

E`jdel`man, N.Ya. 2004. *Poslednij letopisecz [The last chronicler]*. Moscow: Vagrius. (In Russian).

Clanchy, T.M. 1993. *From Memory to Written Record. England 1066-1307*. Oxford: Blackwell Publishers.

Franklin, S. 2004. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge: Cambridge University Press.

Об авторах

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия. ORCID: 0000-0002-4092-8992.

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия. ORCID: 0000-0001-6548-0226.

About the authors

Vitaly V. Penskoi, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. ORCID: 0000-0002-4092-8992.

Tatiana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Bel-city State National Research University, Belgorod, Russia. ORCID: 0000-0001-6548-0226.

Поступила в редакцию: 30.05.2023
Принята к публикации: 17.06.2023

Submitted: May 30, 2023
Accepted: June 17, 2023